из под косынки волос. Она щурила отчаянные глаза, ломала в пальцах стебелек сорванного заносенного в баркас цветка. Митька греб не глядя на нее, под ногами его валялся небольшой сазан и чебак, с застывшим в смертной судороге ртом и выгуленным, в оранжевом обводе глазом. На лице Митьки блудила виноватость, и тревога...

— Я подвезу тебя к Сенной пристани, оттель тебе ближе. — сказал он поворачивая баркас по течению.

— Хорошо. — шепотом согласилась она.

Абз. На берегу было безлюдно. Приподнятые меловой пыльцой огородные плетни над водой изжевали вконец горячим ветром, воздух пахнул запахом увядающего хвороста. Тяжелые, тонны обклеванные воробьями семячки подсолнуха возрев до предела никли к земле, роняя опушенные семячки. Вдалеке изумруд нарощенной молодой отавы. Вдали взбрыкивали тревяги и тянущий смех прибывших балаболов нес к дому горячий пар.

Абз. Митька поднял рябу и протянул выходившей из баркаса виноватые.

— Возьми цветок-то. На!

Она испуганно взяла, взяла.

— Ну, я пойду...

— Стой. Что-то...

Мышца дернула в отжинутой руке нанизанную на тяловую хворостинку рыбу, шалкая, растерявшая недавнюю самоуверенность и веселость.

— Лизавета! — позвал Митька вполголоса.

Она повернулась, тая в изломе бровей недоумение десяду.

— Не ходи ко мне. Вертись-ка на месте.

И когда подошла поближе сказал:

— Не доглядели мы с тобой... Юбка-то сзади... Пятнашка... Маленькое, оно...

Она вспыхнула и залилась краской до кончиков ушей.

— Иди задами...

— Все равно... через площадь ведь идти... Хотела ведь черную юбку надеть!... — прошептала с тоской и неожиданной ненавистью взирая Митькино лицо.

— Дай платком обвяжу. — просто предложил Митька и удивился вспыхнувшим на глазах ее слезам.

5

Ветровой шелестом-перешепотом расползся по хутору новость:

Митька Корнилов Серчея Платонова дому обгулял. На зорьке, заре, когда прогнали в табун коров, гутарили, под ивенком, тлеющим в серой полутени колодезного журавля пролила из ведер воду; у дома на лужайках самодельного